

ВИДЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ИХ ИГРОВЫЕ ПОТЕНЦИИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлено исследование видов словообразования и их игровых потенций в немецком и русском языках; рассматриваются различные способы словообразования, которые представляют специфическое множество возможностей для игры. Проведено сравнение между языковой игрой в русском и немецком языках, выявлены их игровые способности.

Несмотря на большое разнообразие моделей построения слов, структурно-словообразовательная система изучена и описана многими современными учеными очень детально. «Столбовой дорогой» для пополнения словарного состава новыми единицами продолжает быть словосложение [Zusammensetzung] наряду со словопроизводством (Zusammenbildung / сложно-производное слово, Zusammenschreibung / слитное написание, Zusammen-rückung / сращение). В том и другом случае потенциальные возможности словообразования теоретически бесконечны. Новые слова организуются не только по основным, центральным моделям, но и по моделям периферийным, использовавшимся ранее редко или давно не привлекаемым к актам словообразования. В этой связи уместно вспомнить яркую метафору А.А. Реформатского: «Модели словообразования обладают большим долголетием. Их «цветение» непостоянно. То они «цветут», то «увядают», то опять «расцветают». Словообразовательные модели очень устойчивы в истории языка и даже в периоды «увядания» сохраняются как эвентуальная возможность, как потенциальный источник, проявляющийся наподобие якобы потухшего вулкана» [1].

В отдельных случаях существенные признаки видов и способов словообразования представляют множество специфических возможностей для игры. Особенно плодотворно это происходит при словосложении, редукации, сокращении и контаминации. В некоторых случаях используются производные слова и конверсия. При игре слов в парадигматике могут участвовать все виды словообразования [2].

Неисчерпаемым источником для игры слов представляется словосложение, в котором непосредственно составляющие являют-

ся самостоятельными и мало ограничены в дистрибуции. Уже напряжение между семантическими совокупностями и различиями может использоваться в отношении композит / группа слов в следующем примере: «Geschlechtertheorie – Theorie der Geschlechter» (теория поколений – теория родов в грамматике). Так называлась тема коллоквиума в Лейпцигском университете, который проводился в марте 1999 года [2].

Иерархическую структуру словообразовательных конструкций и особенно склонность к многочисленному разветвлению в немецком языке при образовании сложных слов можно встретить в коротенькой истории, написанной Ф. Фюманном о «Schneeseerehkleefee» (о фее, которая любила козулю, пасущуюся в клевере, который рос вокруг озера, которое постоянно было покрыто снегом):

«Am Schneesee

Es war einmal ein See, der war immer voll Schnee, darum nannten ihn die Leute nur Schneesee. Um diesen Schneesee wuchs Klee, der Schneeseeklee, der wuchs rot und grün, und darin äste ein Reh, das Schneeseekleereh, und dieses Schneeseekleereh wurde von einer Fee geliebt, die fast so schön war wie Scheherezade, der überaus anmutigen Schneeseekleerehfee...» [3].

Композиты теоретически не имеют границ. Слово «Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz» заняло десятое место в «Словах 1999 года» [2].

Использование словосложения с установкой на языковую игру свидетельствует о творческом подходе к применению языковых ресурсов. В немецкой публицистике очень часто словосложение выступает как экспрессивное средство создания юмористической, иронической, сатирической окраски речи. Это можно проследить в следующих примерах:

(1) Vor 50 Jahren begann mit dem XX. Parteitag der KpdSU die «*Tauwetterperiode*». (MDZ, №4 2006)

/В статье подчеркивается начало правления Сталина, когда начался «период оттепели» в международных отношениях/

(2) Die Tischgebühr beträgt 150 Rubel, die Flohmarktwährung sind ebenfalls russische Rubel. (MDZ, №4 2006)

/На «блошином рынке» самой ходовой валютой считается российский рубль/

(3) Kasachstan ist eines der attraktivsten Geldwäscheländer. (MDZ, №3 2006)

/О Казахстане как об одной из самых привлекательных стран по «отмыванию» денег/

(4) «*Hasengeld*» nennen Die Russen die Weißrussischen Rubel, weil es bis vor einiger Zeit neben den Geldscheinen auch noch Kopekenmunzen mit Tiermotiven gab. (MDZ, №3 2006)

/«Заячьи деньги» – так называют россияне белорусские рубли, так как до недавнего времени на их монетах было изображение животного/

(5) Europäisches Erbe im Sowjetmantel. (MDZ, №3 2006)

/Заголовок статьи о том, что хотя Минск является бывшим советским городом, он сохранил исторические ценности, и по-прежнему в нем находится бронзовый памятник А. Пушкину – «Европейское наследство в советском пальто»/

(6) Nehmen Sie die *Kopftuchdission*... (Spiegel, №19 2004)

/Заголовок статьи о символике платка в Исламе и беседа о том, насколько соблюдается сейчас данный обычай/

В отечественной публицистике игра слов в композитах придает эмоционально-экспрессивную окраску нередко с юмористическим, ироническим, а иногда и сатирическим оттенком, например:

(1) В отличие от столичных коллективов спонсоры у них не скоро появятся, никакие *бизнес-хитрости* не помогут, и тогда неминуемо закрытие... (Труд, №108 2006)

/В статье о театрах в провинции, которые нуждаются в государственной дотации/

(2) Но, наверное, все зависит от личности. Захочет и станет «*человеком-оркестром*». (Труд, №64 2007)

/ Речь идет о семейном враче, которому следует выучиться всего за полгода всем премудростям медицины, чтобы справляться с любыми болезнями. Автор сравнивает его с оркестром, где музыка создается благодаря одновременному исполнению на разных инструментах/

(3) Зато как усердно превозносят *гореценители* выдаваемые за художественный прогресс проявления отморозков, рубящих иконы в Манеже; пожирающих кондитерский *труп-торт* Ленина в галерее Марата Гельмана... (Труд, №108 2006)

/Автор статьи критикует неуважительное отношение к истории, обычаям и культуре Отечества, а также «мастеров» неприличного постмодерна, которые на государственные средства устраивают мероприятия, унижающие достоинство знаменитых людей прошлого столетия/

(4) *Кубоворы и газокрады*. (АиФ, №24 2006)

/Так автор назвал власти республики Беларусь, которые никак не могли договориться с Россией о цене поставляемого газа/

(5) *Президент-отец* собирался лично передать огонь всей православной пастве. (АиФ, №15 2007)

/Автор иронизирует над тем, что В. Ющенко пытается быть отцом не только пятерым детям от двух браков, но и всей украинской нации/

На протяжении всей своей истории словарный состав немецкого языка впитывал значительное число слов иноязычного происхождения, интегрируя их иногда до неузнаваемости. Численное возрастание словарного состава немецкого языка происходит в немалой степени за счет притока англоамериканизмов [1]. Как немецкая, так и русская словообразовательная система позволяют без труда интегрировать заимствованные слова в новые для языка морфемы. Этот процесс усиливает число новых слов. Большинство слов обязано своим появлением языковой моде, погоне за престижными формами речи, и именно по этим причинам возникает интерес к ним носителей жаргонов. Англоамериканские обозначения использует и торговая реклама, и журналистика.

Иностранные слова часто имеют перед родными синонимами то преимущество, что аттестуют говорящего в социальном плане более высоко. С помощью таких слов человек утверждает свой культурный и общественный авторитет, заявляет свои претензии на культурное и деловое превосходство. Словообразовательная система позволяет легко включать иноязычные слова в состав сложного слова – число появляющихся гибридных структур необозримо. Приведем несколько примеров, где такие интеграции вызывают языковую игру и усиливают экспрессивность.

(1) Ich kann nur mit den Augen rollen, wenn ich mitkomme, wie hier Politik gemacht wird. Und dann dieses ganze *Political-Correctness-Gequatsche*. (Komma, №1 2004)

/Критика, направленная на политику и президента США, расценивается как лицемерная политическая болтовня/

(2) Ein gefeierter Held, ein *Popstar-Politiker* wie in Deutschland und anderen westlichen Ländern wird M.Gorbatschow in seiner Heimat wohl nicht mehr werden. (Rundschau, №10 2006)

/Автор статьи иронизирует над тем, что слава Горбачева в западных странах велика (как у популярной звезды), а в России, на своей родине, он таковым никогда не станет/

(3) Und mit dem ganzen *Publiciti-Überbau* entsteht ein Riss zwischen der Wahrhaftigkeit, ...und dem, was öffentlich aufgebauscht wird. (Komma, №1 2004)

/С иронией о рекламной раскрутке и о том, что есть в действительности, а что раздувается в целях рекламы/

(4) *Бизнес-мысла*. (Яик, №2 2006)

/Заголовок статьи о том, как должна одеваться женщина, чтобы продвигаться по службе/

(5) Поэтическое эссе «Нанкинский пейзаж» Валерия Рубинчика, *политскейтч* «Парк юрского периода» Юлия Гусмана. (Новая газета, №44 2006) /Критика на эссе В. Рубинчика/

Обращает на себя внимание группа слов, у которых в составе композита наблюдается комбинация имени собственного с нарицательным и наоборот. Обыгрывание соотношения имен собственных и нарицательных в аспекте словообразования встречается исключительно

часто. При этом применяются два диаметрально противоположных способа: 1) от нарицательного имени образуется имя собственное; 2) от собственного имени образуется нарицательное имя [4]. Как в разговорной речи, так и в публицистике нередки образования от имен собственных, чаще всего – от антропонимов (фамилий, личных имен). Производные слова могут относиться к разным частям речи – прилагательным и существительным.

Приведем несколько примеров таких комбинаций:

От собственного имени – к имени нарицательному

(1) So gibt es auf der Spielwarenmesse in Nürnberg auch einen «*Mozart-Teddy*» mit Perücke und Violine zu bestauen. (Rundschau, №7 2006) /О мягких игрушках в виде известного музыканта Моцарта в честь его года /

(2) Aber Anfang achtziger Jahre begann in Deutschland die *Kohl-Ära*, und das war eine furchtbar unpolitische Zeit. (Spiegel, №19 2004)

/В статье речь идет о начале правления бывшего бундесканцлера Германии Гельмута Коля «эра Коля»/

(3) *Mullermilch* etwa profitierte immer noch von einer mehrere Jahre alten Werbekampagne mit der Nationalmannschaft. (Focus, №35 2005)

/Молоко от компании, которой руководит Мюллер/

(4) «*Merkelsteuer – das wird teuer*». (Focus, №35 2005)

/О предвыборной кампании А. Меркель на пост бундесканцлера, о том, что она хочет увеличить налоги, и тогда проживание станет дороже/

(5) Деление *зурабовладения* (АиФ, №15 2007)

/Заголовок статьи. Министр здравоохранения не выполнил свои обязательства, и теперь решается вопрос о том, чтобы поделить ведомство М. Зурабова на два министерства: Министерство здравоохранения и Министерство труда и социального развития/

В немецком языке подобные словообразования, как правило, встречаются у существительных. В русском языке, наоборот, обыгрывание имен собственных и нарицательных происходит у прилагательных. Например:

(1) Ее читаешь почти как *улицкую сагу*, только еще и в детективной оправе. (КП, №86 15-22 июня 2006)

/О книге «Рай на земле», которую сравнивают с книгами писательницы Улицкой/

(2) Совершенно ведь понятно, что никакого отношения ни к качеству кино, ни даже к реальной степени провокационности *дэн-брауновского* послания миру... из околонуучного бестселлера 80-х... не имеет. (Новая газета, №44 2006)

/Критика фильма «Код да Винчи». Дэн Браун – автор бестселлера/

(3) На вопрос: «В чем же?» – пускай отвечают *маклюэны с бодрийярами*, это их хлеб. (Новая газета, №44 2006)

/Так называют критиков, которые обсуждают фильмы Бодрийяра и Мака Люэна/

Элементарным видом морфолого-структурного словопроизводства путем удвоения составляющей является редупликация. Такие словообразования ограничены существительными и редко появляются у прилагательных. Слоговой повтор или повтор-отзвучие как тип морфемной вариации всегда присутствовал в языковой игре и использовался во многих языках мира как средство усиления и выразительности [5]. Эти словообразовательные конструкции как в немецком, так и в русском языке носят очень часто уничижительный характер, а также придают словам пренебрежительное, ироничное звучание и негативный оттенок.

Необходимо различать 3 главных типа:

а) простое удвоение (*im Klein-Klein des Alltags*);

в) рифмованное удвоение (*Raumschmuck für Schickimicki-Interieur, wohl nach Schickeria, in der Mode und im Gesellschaftsleben tonangebende Schicht*);

с) удвоение с чередованием букв, слога, слова (*Tingeltangel, Kuddelmuddel* [6]).

Приведем некоторые примеры редупликации, ссылаясь на эти типы:

(1) «Für beide Parteien muss sich eine *win-win-Situation* ergeben», meint Schulz. (Komma, №1 2004)

/Речь идет о ситуации, выгодной как для экономики, так и для студентов университета искусства Берлина/

(2) Aber im *tagtäglichen* Leben treffen wir uns nicht mit den Bewohnern des Kremls, sondern mit der Strasse. (Rundschau, №7 2006)

/В статье о страшных годах сталинизма и о том, как многим людям было трудно жить, они просто выживали/

(3) Und bisher gelingt es den Organisationen zu erreichen, was zu wollen: ein großes, friedliches *Multi-Kulti-Fest* der Lebensfreude. (Komma, №1 2004)

/О карнавале культур в Берлине в 2004 году/

(4) Иллюзии *мульти-культи*. (Rundschau, №8 2006)

/Заголовок статьи о перспективах развития «мультикультурного» общества/

(5) *Е-мое, ну и надгробие!* (Экспресс-газета, №38 2005)

/Заголовок статьи о памятнике самой матерной букве русского алфавита/

(6) Три непризнанных республики взяли однозначный курс на развод с Грузией и Молдавией не только *де-факто*, что состоялось уже полтора десятилетия назад, но и *де-юре*. (Труд, №108 2006)

/Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье подписали декларацию о создании Сообщества за демократию и права народов/

Интересным словообразовательным приемом, применяемым в языковой игре, является контаминация. Это «сплав» двух слов или частей слов. Контаминация (*die Kontamination, die Wortkreuzung*) как разновидность словообразования принадлежит к явно искусственным, если она намеренна, или к «патологическим», если она бессознательна, способам номинации [7].

Контаминация – это скрещивание, как правило, двух лексических единиц, отклоненное от «нормальной» структуры: *Formularifari* из *Formular+Larifari*. Ее специфика состоит в том, что два или более сложных сегмента непосредственно составляющих накладываются друг на друга и оба ни в коем образе не нуждаются в семантических связях (Н. Heines *affenteuerlich* aus *Affe+ábenteuerlich*). Однако способ образования не совсем произвольный, а определяется особыми правилами (прежде всего фонетическо-фонематическими). Доминантами яв-

ляются существительные, а прилагательные и глаголы встречаются реже [6]. Контаминация как в русском, так и в немецком языке довольно часто используется для усиления выразительности речи или для создания комического эффекта.

Приведем несколько примеров этого стилистического приема:

(1) Das die Kunden wieder zu *Schokolihks* [*Schokolade+Alkoholics*] mutieren, kann dabei nicht nur an der erfolgreichen Marketing-maschine der Branche liegen. (Spiegel, №50 2005)

/В статье речь идет об изменении состава шоколада с ироничным оттенком на людей, которые его чрезмерно употребляют/

(2) И все-таки иногда дотошным светским *хроникерам* [*хроника+паникер*] становится кое-что известно. (Яик, №6 2006)

/Речь идет о папарацци, которые преследуют знаменитостей буквально повсюду/

(3) *Отстойкино* [*отстой+Останкино*] (Новая газета, №44 2006)

/Заголовок статьи о роли главной телебашни в жизни Минино и его жителей/

(4) Таков недуг, именуемый *клеттократией* [*клеттомания+демократия*]. (Новая газета, №44 2006)

(5) Сам Баталов всегда называл себя человеком «неандерсталинской эпохи» [*неандерталец+Сталин*]. (Новая газета, №44 2006)

Мы привели примеры классической контаминации, когда соединяемые слова формально равноправны. Встречается и другой тип контаминации – «включение», при котором в середину одного (основного, «базового») слова вклиниваются элементы другого слова (имеющего, как правило, отрицательную окраску). Получается некий гибрид – не только формальный, но и смысловой: говорящий намекает на смысловое родство этих двух слов – с целью дискредитации описываемого [4]. Сравним:

(1) Закон *бомжйй* [в слово божий вклинивается бомж]. (Новая газета №44 2006) /О том, как Конституционный суд подкорректировал Жилищный кодекс России/

(2) И результат *оголтелого* законотворчества последовал даже быстрее, чем ожидали эксперты: слишком уж болезненным оказался вопрос для миллионов граждан России

[в слово оголтельйй вклинивается тело]. (Новая газета, №44 2006)

Сложносокращенные слова – аббревиатуры никогда еще не давали такого обилия новых слов и типов слов, как в современный период, когда к ним добавились интернационально известные обозначения. Некоторые лингвисты, сетуя на появление все новых и новых аббревиатур, называют этот процесс инфляцией (Inflation durch Abkürzungen). По установившейся традиции аббревируемые и укороченные слова продолжают считаться «неполноправными» единицами словарного состава, сосуществующими якобы всегда с «признанными» единицами – полными словами. Многие полагают, что аббревиатуры составляют целиком достояние официальных стилей речи, «неэстетичны» в звуковом отношении и вообще «засоряют» язык, а укороченным словам отводится сфера непринужденно-разговорных стилей профессионального или группового общения (например, сленгов). Действительно, аббревиатуры интенсивно функционируют и в этих сферах. В общем виде аббревиатуры представлены двумя типами слов: буквенными аббревиатурами (акронимами) и усеченными словами (контрактурами) [1].

Сокращения, и прежде всего сокращения полной формы (словообразовательные конструкции или группы слов), т.е. акронимы, дают повод к игре и использованию коннотативных потенций. Способность придавать начальным буквам и тем самым всей аббревиатуре новое значение использовалась и раньше в разговорной речи [8].

Существуют буквенные аббревиатуры шуточного характера. Они используются как в немецком, так и в русском языках часто для шутливоего подражания, шуточной имитации аббревиатур официальной письменной речи. Аббревиатуры имеют комическое звучание из-за неожиданности их расшифровки – в нормативной письменной речи. Например:

j.w.d. = ganz weit draußen (далеко за пределами города)

f.d.H. = friß die Hälfte (совет желающим похудеть)

F.h.z. = Familie hält zurück (хозяева сдерживают свой аппетит, чтобы гостям досталось больше)

knif = kommt nicht in Frage (даже не вопрос)

Ga-bi-ko = ganz billiger Korn (очень дешевый попкорн)

Mode = Männer opfern die Ersparnisse (мужчины жертвуют сбережениями)

Deos = doppeltes Einkommen ohne Sex (двойной доход без секс-услуг)

WWW = Warten, warten, warten вместо World Wide Web (ждите, ждите, ждите)

ISDN = Ich surfe durch Netz вместо Integrated services digital network (я брожу по Интернету)

BB = Berliner Blumenmädchen – в шутовском значении (девушка, продавщица цветов в Берлине)

Buwelü = Bundeswehrlümmel – солдат Бундесвера

B-Wutz = Berufssoldat; Wutz = Schwein [1].

П. Поленц [9] в своем примере расшифровки аббревиатуры автомобильной марки *DKW* (*Das Krankenhaus wartet* – больница ждет) указывает на то, что сокращения стали уже настолько популярными в общественной жизни, что и в неофициальном употреблении их истолковывают по-новому с насмешливым оттенком. Особенно нравилось играть с расшифровкой официальных сокращений в политических лозунгах в период объединения Германии. Например: *VEB* (*Volkseigener Betrieb* – народное предприятие ГДР) расшифровывали как *Vaters Ehemaliger Betrieb oder Vorsicht. Es bröckelt* (бывшее предприятие отца или Осторожно. Рушится); *DDR* – ГДР (*Der Damliche Rest* – глупый остаток, намекая на то, что в 1958 году большинство интеллектуалов покинуло ГДР) [10] перев. авт.

Изготовителю алкогольной продукции, который использовал игровое толкование партий и организаций ГДР в своем производстве, однако, это, не принесло экономического успеха. Например, *SED* (Социалистическая единая партия Германии) он расшифровывал как «*Spirituosen-Einheitsdrink*» (алкогольный объединяющий напиток); *FDJ* (Союз свободной немецкой молодежи) «*Fruchtiger denn je*» (плодовитее чем когда-либо); *LPG* (Сельскохозяйственный кооператив) «*Leckeres Proletariergesöff*» (вкусное пролетарское пойло) [2] перев. авт.

Помимо акронимии мы также встречаемся с другим способом сокращения слов – контрактурой (усечение части или частей слова). Все усеченные аббревиатуры образованы отсечением финальной части употребительных слов. Все они характеризуются разговорной окрашенностью. В прессе можно встретить такие контрактуры, которые являются экспрессивными и создают комический эффект. Сокращенные материально корневые морфемы легко включаются в состав других слов: *Info-Stand*, *Öko-Acker*, *Öko-Wagen*, *Öko-Pazifismus*, *Öko-Freunde*. Особой популярностью этот прием сокращения длины слова пользуется в жаргонах – профессиональных и молодежных, например: *Diss(ertation)*, *Stip(endium)*.

В разговорной, шутовской речи, в лексиконе молодежи мы встречаем укороченные базисные морфемы, завершающиеся суффиксами -i и -o: *Prom(m)i* – *Prominenter*, *Prominenz* (знаменитость), *Dissi(dent)*, *Grufi* (человек в возрасте), *Depri* (человек, постоянно страдающий из-за депрессий), *Exi* (бывший супруг), *Bundi* (служащий Бундесвера), *Alki* (алкоголик), *Medium-Profi*, *Polit-Profi* (профессионал в каком-нибудь деле). Разговорно-непринужденные формы могут приобретать имена политических фигур: *Gorbi*, *Schmiddi*, *Stolti*. С суффиксом -i организуются небрежно-разговорные контрактуры наименования вещей: *Molli*, *Mollo* (коктейль «Молотов»), *Brummi* (грузовой автомобиль), *Filzi* (фломастер) [1].

(1) ...junger Mann mit schutteren Haaren, schlabbrigen Jeans und Rollkragenpulli auf der großen Bühne... (Komma, №1 2004)

/О внешности молодого талантливового певца/

(2) «Ich möchte nicht, wie manche *Promis*, in allen Zeitschriften stehen...» (Komma, №1 2004)

/ Мнение молодого певца о знаменитостях/

(3) Maria Schrader und du waren «Shooting Stars» der *Berlinale* 1999? (Komma, №1 2004)

/Вопрос к стремительно взошедшей «звезде» кинофестиваля/

(4) «*Gorbi, Gorbi*», titelt die deutsche Bild-Zeitung in zentimeterhohen Buchstaben im Juni 1989. (Rundschau, №10 2006)

/Сокращение фамилии советского президента. Немцы благодарны Горбачеву за вос-

соединение Германии и поэтому отзываются о нем ласково/

(5) Die Grippe kennt kein *Öko*-Huhn. (Focus, №35 2005)

/Заголовок статьи о птичьей гриппе/

(6) *Нацбест* за поведение. (Новая газета, №44 2006)

/Заголовок статьи о литературной премии России – «Национального бестселлера»/

(7) ЖПС – жизнеспособность политсубъектов. (АиФ, №15 2007)

Выводы: Словообразование достаточно хорошо изучено как отечественными лингвистами, так и германистами. Однако, что касается склонности к игре слов, то в

немецком языке она больше присутствует в композитах, так как немецкий язык сам по себе имеет обыкновение соединять несколько слов в одно сложное слово. В русском языке чаще, чем в немецком, играют, используя контаминацию, к которой прибегают авторы, чтобы выразить какой-нибудь оттенок или придать выражению стилистическую окраску. Игра слов в русском и немецком языках имеет определенные сходства в том, что в обоих языках она используется для того, чтобы привлечь внимание реципиента и выразить свое отношение к объектам и событиям окружающей действительности.

Список использованной литературы:

1. Розен, Е.В. На пороге XXI века. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – 192 с.
2. Poethe, H. Wortbildungsspiele. In: Barz, Irmhild/Fix, Ulla/Lerchner, Gotthard (Hrsg.): Das Wort in Text und Wörterbuch (= Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse, Bd. 76, H. 4). – Stuttgart, Leipzig, 2002. – S. 33-36.
3. Fuhrmann, F. Die dampfenden Hälse der Pferde im Turm von Babel. – Berlin, 1992. – S. 13.
4. В.З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999. – С. 166-175.
5. Нухов, С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное. Монография / Башкирский пединститут. – Уфа, 1997. – С. 151.
6. Fleischer, W./Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen.– Tübingen, 1995. – S. 47-49.
7. Журавлев, А.Ф. Иноязычное заимствование в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) М., 1984. – С. 86-88.
8. Kobler-Trill, D. Das Kurzwort im Deutschen. – Tübingen, 1994. – S. 198.
9. Polenz, P. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Band III. 19. und 20. Jahrhundert. – Berlin/New York, 1999. – S. 366.
10. Seidel, U. Ironie in politischen Losungen der Wende –und Nachwendezeit. In: Keßler, Christine/Sommerfeld, Karl-Ernst (Hg.): Sprachsystem – Text – Stil. FS für Georg Michel und Gunter Starke zum 70. Geburtstag. – Frankfurt a. M. /Berlin / Bern /New York /Paris /Wien, 1997. – S. 255.

Газеты и журналы:

Moskauer Deutsche Zeitung (MDZ), Spiegel, Komma, Rundschau, Focus. Труд, Аргументы и факты (АиФ), Яик, Новая газета, Комсомольская правда, Экспресс-газета.

Статья рекомендована к публикации 04.05.07